

Н.Н. Наседкин

Рогожин

РОГОЖИН Парфен Семенович — один из главных героев романа Ф.М. Достоевского «Идиот», купец; сын Семена Парфеновича и брат Семена Семеновича Рогожиных. С ним первым познакомился князь Мышкин — в вагоне поезда Петербургско-Варшавской железной дороги, возвращаясь из Швейцарии в Россию. Он «был небольшого роста, лет двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, с серыми, маленькими, но огненными глазами. Нос его был широко сплюснут, лицо скулистое; тонкие губы беспрерывно складывались в какую-то наглую, насмешливую и даже злую улыбку; но лоб его был высок и хорошо сформирован и скрашивал неблагоприятно развитую нижнюю часть лица. Особенно приметна была в этом лице его мертвая бледность, придававшая всей физиономии молодого человека изможденный вид, несмотря на довольно крепкое сложение, и вместе с тем что-то страстное, до страдания, не гармонизировавшее с нахальной и грубой улыбкой и с резким, самодовольным его взглядом. Он был тепло одет, в широкий, мерлушечий, черный, крытый тулуп, и за ночь не зяб...»

Тут же, в вагоне. Рогожин рассказывает князю, Лебедеву и другим случайным попутчикам о своей встрече с Настасьей Филипповной Барашковой, о роковой страсти к ней, о бриллиантовых подвесках за десять тысяч, которые он ей в подарок купил и был за это отцом бит, о недавней смерти отца, оставившего ему миллионное наследство... Встреча с Настасьей Филипповной «ушибла» Рогожина, выбила его из привычной колеи. На всем протяжении романа он находится все время как бы в исступлении, в горячке, совершает все свои полубезумные поступки в состоянии «аффекта». Он дарит Настасье Филипповне за «секунду блаженства» сто тысяч рублей и вскоре избивает ее, он братается с князем Мышкиным и тут же, в припадке ревности, пытается зарезать его, он, в конце концов, убивает Настасью Филипповну и сам заболевает «воспалением в мозгу»... В подготовительных материалах о чувстве Рогожина к Настасье Филипповне сказано: «страстно-непосредственная любовь» (в отличие от «любви из тщеславия» Гани Иволгина и «любви христианской» князя Мышкина). Злобит Парфена то, что ответного чувства ему никогда не дожидаться, и он это понимает-чувствует. Она даже замуж за него соглашается идти, но для нее выход замуж за Рогожина — просто один из вариантов самоубийства. Настасья Филипповна «давно уже перестала дорожить собой» и, по ее собственному признанию, «уже тысячу раз в пруд хотела кинуться, да подла была, души не хватало, ну, а теперь...» А теперь — Рогожин. Она ему, уже в другой раз, прямо заявляет: «За тебя как в воду иду...» А Рогожин и сам не очень-то обольщается, исповедуясь князю Мышкину: «Да не было бы меня, она давно бы уж в воду кинулась; верно говорю. Потому и не кидается, что я, может, еще страшнее воды...»

Ярко характеризует Рогожина и всю семью Рогожиных их фамильный дом: «Дом этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвету грязно-зеленого. Некоторые, очень, впрочем, немногие дома в этом роде, выстроенные в конце прошлого столетия, уцелели именно в этих улицах Петербурга (в котором все так скоро меняется) почти без перемены. Строены они прочно, с толстыми стенами и с чрезвычайно редкими окнами; в нижнем этаже окна иногда с решетками. Большею частью внизу меняльная лавка. Скопец, заседающий в лавке, нанимает вверх. И снаружи, и внутри как-то негостеприимно и сухо, все как будто скрывается и таится, а почему так кажется по одной физиономии дома, — было бы трудно объяснить. Архитектурные сочетания линий имеют, конечно, свою тайну. В этих домах проживают почти исключительно одни торговые. Подойдя к воротам и взглянув на надпись, князь прочел: “Дом потомственного почетного гражданина Рогожина”».

Перестав колебаться, он отворил стеклянную дверь, которая шумно за ним захлопнулась, и стал всходить по парадной лестнице во второй этаж. Лестница была темная, каменная, грубого устройства, а стены ее окрашены красной краской. Он знал, что Рогожин с матерью и братом занимает весь второй этаж этого скучного дома. Отворивший князю человек провел его без доклада и вел долго; проходили они и одну парадную залу, которой стены были “под мрамор”, со штучным, дубовым полом и с мебелью двадцатых годов, грубою и тяжеловесною, проходили и какие-то маленькие клетушки, делая крючки и зигзаги, поднимаясь на две, на три ступени и на столько же спускаясь вниз...» Затем князь Мышкин признается Парфену: «Я твой дом сейчас, подходя, за сто шагов угадал <...> Твой дом имеет физиономию всего вашего семейства и всей вашей рогожинской жизни, а спроси, почему я этак заключил, — ничем объяснить не могу. Бред, конечно. Даже боюсь, что это меня так беспокоит...»

И князь же Мышкин говорит Парфену (возле портрета его отца): «А мне на мысль пришло, что если бы не было с тобой этой напасти, не приключилась бы эта любовь, так ты, пожалуй, точь-в-точь как твой отец бы стал, да и в весьма скором времени. Засел бы молча один в этом доме с женой, послушною и бессловесною, с редким и строгим словом, ни одному человеку не веря, да и не нуждаясь в этом совсем и только деньги молча и сумрачно наживая. Да много-много, что старые бы книги когда похвалил, да двуперстным сложением заинтересовался, да и то разве к старости...»

Еще, может быть, точнее и полнее обрисовала суть Рогожина Настасья Филипповна, и тоже возле портрета его отца (Парфен сам об этом князю рассказывает): «На портрет долго глядела, про покойника расспрашивала. «Ты вот точно такой бы и был, — усмехнулась мне под конец, — у тебя, говорит, Парфен Семеныч, сильные страсти, такие страсти, что ты как раз бы с ними в Сибирь, на каторгу, улетел, если б у тебя тоже ума не было, потому что у тебя большой ум есть» <...>. Ты все это баловство теперешнее скоро бы и бросил. А так как ты совсем необразованный человек, то и стал бы деньги копить и сел бы, как отец, в этом доме с своими скопцами; пожалуй бы, и сам в их веру под конец перешел, и уж так бы ты свои деньги полюбил, что и не два миллиона, а, пожалуй бы, и десять скопил, да на мешках своих с голоду бы и помер, потому у тебя во всем страсть, все ты до страсти доводишь...»

Знаменательно, что в доме Рогожиных висит копия с картины Ганса Гольбейна Младшего «Мертвый Христос». На полотне крупным планом изображен только что снятый с креста Иисус Христос, притом в самой натуралистической, гиперреалистической манере — по преданию, художник рисовал с натуры, а «натурщиком» ему послужил настоящий труп, как пишет в «Письмах русского путешественника» Н. Карамзин, «утопшего жида». Когда это полотно увидел князь Мышкин, он восклицает: «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!..» И Рогожин спокойно признается: «Пропадает и то...» — к слову, как свидетельствует А. Достоевская, мысль-восклицание Мышкина — дословное воспроизведение непосредственного впечатления самого Достоевского от картины Гольбейна, когда увидел он ее впервые в Базеле.

В «Заключении» сообщается, что Рогожин после выздоровления был судим, осужден на 15 лет каторги: «выслушал свой приговор сурово, безмолвно и “задумчиво”. Все огромное состояние его, кроме некоторой, сравнительно говоря, весьма малой доли, истраченной в первоначальном кутеже, перешло к братцу его, Семену Семеновичу...»

В образе и судьбе Парфена Рогожина отразились отдельные моменты, связанные с московским купцом В. Мазуриным, убившим ювелира Калмыкова, — подробные отчеты по этому делу публиковались в газетах в конце ноября 1867, как раз в то время, когда писатель начал работу над окончательной редакцией романа. Мазурин принадлежал к известной купеческой семье, был потомственным почетным гражданином, получил в наследство два миллиона, жил в фамильном доме вместе с матерью, там и зарезал свою жертву... Фамилия Мазурина впрямую упоминается в «Идиоте» — на своих именинах Настасья Филипповна говорит о прочитанных на эту тему газетных сообщениях.